

УДК 911.53

“ИМЯ” В ГЕОГРАФИИ: ОТ ТОПОНИМА – К ГЕОКОНЦЕПТУ

© 2016 г. В.Н. Калущков

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
географический факультет, Россия
e-mail: v.kalutskov@yandex.ru*

Поступила в редакцию 03.06.2015 г.

В статье с системных позиций рассматривается триада важнейших в географической ономастике понятий: “топоним – географическое название – геоконцепт”. Если топоним и географическое название можно считать традиционными для географии категориями, то геоконцепт нужно рассматривать в качестве нового теоретического представления, инициированного и разрабатываемого автором. Оно отражает качественно новую ситуацию в географии, связанную с “культурным поворотом” и информационной революцией.

Концептуализация географического пространства происходит через наделение отдельных мест и территорий более высоким культурным статусом, например, в связи со знаковыми историческими событиями или в результате связи места с выдающимся деятелем культуры.

В статье проблема взаимодействия географических имен, принадлежащих разным картинам мира, рассматривается как проблема межкультурной и междисциплинарной коммуникации. При этом анализируются разные типы проблемных ситуаций – от “мирного сосуществования” двух географических имен на одной территории до конфликтов геоконцептов, принадлежащих разным культурным традициям. В этом отношении наиболее яркие примеры связаны с постсоветским пространством.

Ключевые слова: культурная география, топоним, географическое название, геоконцепт, Средняя Азия, Центральная Азия.

“Имя” в географии – древняя и одновременно современная тема. Древняя – потому что любые географические открытия всегда были связаны не только с новыми землями, но и с новыми географическими названиями. Современная тема – потому что старые картины мира постоянно подвергаются ревизии, при этом, учитывая информационные возможности общества, скорость таких процессов существенно возрастает.

Последовательно рассмотрим важнейшие в географической ономастике понятия топонима, географического названия и геоконцепта.

Топоним. Многие географы убеждены, что топоним и географическое название – практически совпадающие понятия. Причины подобного заблуждения несколько. Одна из них связана с силой научного авторитета и традиций. Так, Э.М. Мурзаев, замечательный географ и топонимист, дал краткое определение топонима как слова на карте [5]. При этом географы, как правило, имеют дело с уже “обработанными топонимами”, т. е. такими, которые нанесены на географическую карту.

“Живые топонимы”, бытующие в устной традиции, в экспедициях собирают топонимисты, этнографы, фольклористы, культургеографы.

Наука с мурзаевских времен ушла далеко, сформировались новые дисциплины, исследующие разные грани топонимического феномена. В последние десятилетия больший вклад в изучение топонимии сделала этнолингвистика, наука, которая на основе сравнительно-лингвистического и культурологического подходов исследует языковые и культурные смыслы топонимов [2].

Некоторые группы топонимов, бытующих в устной традиции, несут на себе явные пространственные характеристики и потому они напрямую могут использоваться географами в своих исследованиях. Это так называемые позиционные топонимы, которые отражают позиционные центр-периферийные отношения. Так, в севернорусской культурной традиции эти пространственные отношения реализуются обычно в таких топонимических парах, как “верх – низ” относительно истока и устья реки, “верх – низ” относительно

положения на мезоформе рельефа, “перед – зад”, “ближний – дальний” относительно центра номинации, предлог *за* также относительно центра номинации [2, 4]. Поэтому *Верхние поля* всегда будут расположены выше по течению реки относительно центра номинации, а *Передние поля* – перед “лицом” деревни. Однако чтобы выявлять подобную пространственную информацию, нужно хорошо знать региональную культурную традицию, местные диалектные особенности.

Для “географизации” топонима, т.е. для превращения его в географическое название он должен пройти две методологических процедуры.

Во-первых, топоним должен быть “посажен” на географический объект, получить территориальную форму. Например, *Москва* – топоним, а река *Москва* и город *Москва* представляют собой топонимы, обретшие разные территориальные формы (в данном случае – городскую и речную). Географические термины, на которые “посажен” топоним (в рассматриваемом примере – это город и река), в этнолингвистике называют топоформантами. Однако понятие топоформанта не имеет пространственного или территориального наполнения; оно ориентировано на выявление регионально-диалектологических различий.

Во-вторых, после географического оформления топонима появляется возможность его картографирования, как в мелком, так и в крупном масштабе.

Итак, на основе топонима создается новая система, формула которой может быть представлена следующим образом: “*географический термин, за которым “скрывается” географический объект + топоним*”. Например, город *Москва* (город + *Москва*), река *Волга* (река + *Волга*) и т. д.

На локальном уровне данная система состоит из местного географического термина, обозначающего тип места, и топонима. Примеры: наволок *Сибирь* (наволок + *Сибирь*), хобот *Кривой* (хобот + *Кривой*), *Иванова новина* (новина + *Иван*) и т. д. Подчеркивая новое системное качество феномена, в котором не только имя, но и место имеет значение, предложено называть данный феномен *топосом* [4]. Топос – это тип места в определенной региональной культурной традиции, в наименовании которого используется местная географическая терминология. Система топосов позволяет понять особенности местного культурного ландшафта как в пространственном отношении, так и в культурно-языковом.

В одних случаях энергетический заряд топонима настолько велик, что он переходит с одного

места-топоса на соседний. В топонимике этот феномен называется метонимией. Например, поле *Шаньга*, соседний наволок (луг) *Шаньга*, соседний бор (лес) *Шаньга*, примыкающий ручей *Шаньга* и т. д. На этом примере хорошо видно, что один топоним соответствует четырем топосам.

В других случаях, если географический объект перемещается, топоним нередко переезжает вместе с ним, сохраняя память бывшего места. Так, город *Оренбург* ныне находится в сотнях километрах от реки *Ори*.

В местных *устных культурных традициях* бытуют мириады топонимов и сотни топосов, зафиксированных лишь в полевых записях исследователей-гуманитариев и краеведов, которые представляют большую ценность в культурно-географических исследованиях. Это связано с тем, что топосы и топонимы, отражающие языковую, хозяйственную и природную специфику региона, представляют собой важные составляющие местного культурного ландшафта и культурного наследия.

Географическое название. *Географическое название – это название географического объекта, зафиксированное на географической карте.* Именно к географическому названию следует ныне отнести упомянутое выше мурзаевское определение (“слово на карте”) [5].

Фиксация на карте и четкое соотнесение с определенным географическим объектом представляют собой важнейшие требования к географическому названию, отличающие его от топонима.

Второе отличие топонима от географического названия заключается в том, что топоним является культурным “продуктом”, который развивается по законам языка и культуры. Поэтому так велики региональные различия топонимии и местной географической терминологии.

Географическое же название представляет собой воплощенный на карте или в тексте результат научной деятельности. При чем этот результат далеко не всегда адекватен местной культурной традиции.

Географы всегда занимались ономастическим творчеством, нередко придумывая новые названия географических объектов вместо местных уже существующих. Эти названия “закреплялись” на карте, получая официальный статус.

По этой причине в некоторых районах страны деревни имеют два названия – официальное, инициированное географами или чиновниками (именно оно фигурирует в документах и нане-

сено на карту), и неофициальное, исторически сложившееся, которым пользуются местные жители.

Придуманные географами (“настоящие” географические названия) нередко согласуются со стрелкой компаса. Ср.: Север Европейской территории России, Южный берег Крыма или Северное Бутово. Это и понятно: основная функция географического названия – ясно указывать местоположение географического объекта на карте.

Чтение карты начинается с выявления названия – имени – географического объекта. После этого географ начинает определять свойства географического объекта – его местоположение, размеры, конфигурацию и др. Нередко географическое название, созданное на основе топонима, несет важную географическую информацию, например, позиционную, на что указывалось выше, или содержательную информацию, к примеру, озеро *Глубокое*, луг *Кочковатик*, деревня *Большое Кротово*. Однако в последнем случае нужно быть внимательным. Географическая ситуация меняется и численность населения в *Большом Кротове* ныне может быть меньше, чем в *Малом*, а деревня, с ясным, казалось бы, названием *Гора* может оказаться в низине.

В физико- и экономико-географических исследованиях в паре “географический объект – географическое название” последнее не самостоятельно: оно представляет собой заместителя и представителя географического объекта, поскольку все внимание исследователя сосредоточено на объекте.

В культурной и исторической географии ономастическая линия очень важна. При исследовании истории мест, географических образов территорий, в изучении культурных, включая вернакулярные, ландшафтов имя мест имеет огромное значение. При этом используются и топонимы из местных устных и письменных традиций, включая материал художественной литературы, и географические названия при работе с историческими и современными картами [4, 7–9].

Подытоживая, отметим, что география создала свою систему номинации объектов, которая либо использует уже “готовые” топонимы, либо создает новые наименования с учетом своих профессиональных требований.

Геоконцепт. Появление идеи геоконцепта отражает качественно новую ситуацию в науке, ситуацию, связанную с “культурным поворотом” в географии, с одной стороны, и быстрым развитием информационного общества, с другой [4].

Традиционный топонимический анализ уже не может удовлетворять потребности новых динамично развивающихся направлений географии – таких, как политическая география, культурная география, гуманитарная география, особенно в ситуации столкновения разных культур и цивилизаций.

Культура всегда концептуализировала места и территории для решения своих проблем. Так, в Киевской Руси для обозначения дальних земель использовался топоним *Тмутаракань*, а в Московском государстве – *Камчатка* и *Сибирь* (“Дальше Сибири не сошлют!”). Такая концептуализация осуществлялась естественным образом, постепенно, в процессе выстраивания и развития культурно-языковой картины мира.

Тем самым, отличие геоконцепта от топонима заключается в том, что это сверхтопоним или *топоним, нагруженный культурными смыслами*.

Концептуализация географического пространства происходит через надделение отдельных мест или территорий более высоким культурным статусом. Геоконцептами становятся места-топонимы, связанные со значимыми событиями истории, жизни и деятельности выдающихся людей, столичные, пограничные места-топонимы, иначе знаковые для данной культуры места. К примеру, *Бородинское поле* до событий 1812 г. бытовало как локальный топоним в пределах Бородинского сельского ландшафта, а после – как национальный геоконцепт, как поле русской военной славы, памятник стойкости духа. Эти культурные смыслы еще более усилились после сражений 1941 г. на Бородинском поле.

Тем самым, “перевод” топонима с локального на региональный и национальный уровень можно рассматривать как один из механизмов концептуализации топонима, превращения его в геоконцепт. Геоконцепты как продукты концептуализации географического пространства формируются как исторически, так и под воздействием науки, искусства, политики, СМИ.

Под геоконцептом понимается знаковое место, имя которого является неотъемлемой частью картины мира определенного человеческого сообщества. Формулу геоконцепта можно представить следующим образом: топоним + образ + место, территория (акватория) [4].

В отличие от географического названия, которое можно представить как *территорию-топоним* и которое имеет четкие показанные на карте географические границы, геоконцепт – это *место-топоним*, границы которого, как границы

любого места не “жесткие”, но зато всегда ясно выражено его содержательное ядро.

Предполагается, что именно совокупность геоконцептов как знаковых для данной культуры мест и территорий образуют культурно-географическую (шире – культурно-языковую) картину мира определенного человеческого сообщества.

Исследование и проектирование геоконцептов и геоконцептных систем представляет собой перспективное направление, прежде всего, для дисциплин гуманитарного крыла географии – политической, исторической, культурной географии.

Одна из сфер, которая не может обходиться без геоконцептов, – геополитика. Национальная геополитическая картина мира (особенно в пограничных ситуациях) выстраивается на системе “своих” геоконцептов, которая противопоставляется системе геоконцептов геополитического противника. Распространенная ситуация – “война” геоконцептов, принадлежащих разным культурно-языковым картинам мира, на пограничных территориях, например, *Курильские острова* России и *Северные территории* Японии, русские геоконцепты *Туркестан* и *Средняя Азия* и западный *Central Asia* и т.д.

Историческую и культурную географию страны и ее регионов следует выстраивать на основе “своих” топонимов-геоконцептов. При этом очевидно, что в полиэтничных регионах региональных исторических и культурных географий может быть несколько.

Географические имена и проблема межкультурной коммуникации. На пограничьи, на территориальных границах культурных миров, причем не важно какого масштаба – деревенского, регионального или странового, где естественным образом происходит наложение на одну территорию двух разных картин мира (и соответственно двух географических имен), культурная ситуация проблематизируется, и возникает ситуация межкультурного диалога.

Другой тип пограничной проблемной ситуации – временной; такая ситуация возникает внутри одной культурной традиции при смене идеологических ориентиров или в результате культурных революций, при стремлении создать новую картину мира. Сравните географические имена, принадлежащие разным картинам мира: “*Петербург – Ленинград*” или “*Закавказье – Южный Кавказ*”. Как и в первом случае, возникает ситуация межкультурного диалога, а иногда конкуренции или конфликта.

В информационном обществе масштабы и скорость таких процессов существенно возрастают. “Слово на карте” перестает быть пассивным заместителем географического объекта, превращаясь в инструмент межкультурного и междисциплинарного диалога и конкуренции, в механизм концептуализации географического пространства.

Можно выделить два типа подобных проблемных ситуаций, связанных с “пограничной” концептуализацией географического пространства, – межкультурные и междисциплинарные.

Проанализируем несколько типичных пограничных проблемных ситуаций, связанных с множественностью географических имен применительно к одной территории.

• Ситуация смены культурно-языковой картины мира: *одна территория – несколько топонимов*. Как правило, разные топонимы, относящиеся к одной и той же территории, отражают разные качественные пространственно-временные состояния территории, ее разные хронотопы. Самый яркий пример такой ситуации *Петербург*, который трижды сменил свое имя: *Санкт-Петербург – Петроград – Ленинград – Санкт-Петербург*.

Для исследователей и экскурсоводов такая ситуация удобна: новый топоним отражает новые культурные смыслы. Так, для характеристики петровских времен естественен топоним *Санкт-Петербург*, блестящий образ которого создан Пушкиным и другими русскими поэтами.

Деятельность Ленина и революционные события вызывают к жизни топоним *Петроград*; кстати, именно этот топоним использует в произведении “Крокодил” К.И. Чуковский, несмотря на то, что Петроградом город назывался всего несколько лет.

Почти весь советский пласт истории города связан с топонимом *Ленинград* и потому его военная блокада может быть только ленинградской.

С постсоветским состоянием города связан топоним *Петербург*, однако, зачастую с другими, отнюдь не пушкинскими “эпитетами” – “бандитский”, газпромский и т.д. При этом не будем забывать, что постсоветский *Петербург* – огромный мегаполис – вобрал в себя все пригороды дореволюционного *Санкт-Петербурга*, включая бывшие когда-то загородными дворцы, многочисленные поселения и значимые исторические места. Одним из таких мест является *Усть-Ижора*, где произошла знаменитая битва новгородского князя Александра со шведами, в результате которой он и был назван Невским. Тем самым, в результате расширения своего пространства

новый Петербург получил важного символического предка-предтечу.

Сходная ситуация отмечается в случае с *Волгоградом* (*Царицын – Сталинград – Волгоград*), *Кировом* (*Хлынов – Вятка – Киров*), другими регионами, городами и местами страны.

Рассмотренный пример с *Петербургом* демонстрирует, что концептуализация географического – в данном случае городского – пространства может происходить как в результате исторических событий и смены топонима, так и по причине расширения границ географического объекта. Очевидно, что разные в данном случае городские геоконцепты актуализируют вполне определенные исторические, культурные, политические смыслы.

Как в данном, так и в рассматриваемых ниже случаях, граница между геоконцептами представляет собой границу не только между разными состояниями городского ландшафта, но и, прежде всего, границу между разными локальными картинами мира.

• Ситуация “мирного существования” разных культурно-языковых картин мира внутри страны: *одна территория – несколько топонимов*. В полиэтничной стране, какой является Россия, подобные ситуации обычны. В одном и том же регионе разные этнокультурные сообщества формируют свои картины мира. В отношении одного и того же географического объекта на основе разных географических имен формируются геоконцепты, обладающие разными культурными смыслами.

Приведем лишь один пример. На территории Болгарского музея-заповедника в Поволжье существует озеро, которое на русском языке называется озеро *Мочинное*, а на татарском – *Рабига-куль* (озеро *Рабиги*). Русский топоним несет на себе хозяйственные смыслы: воды озера действительно использовали для вымачивания пеньки.

Татарский же топоним отражает высокий с позиции мусульманина культурный статус всей территории: именно здесь в древнем Болгаре предками нынешних российских мусульман в X в. был принят ислам. Поэтому в татарском топонимическом предании озеро описывается как дар Всевышнего, посланный совершавшей хадж женщине по имени Рабига для ритуального омовения. Очевидны сакральные смыслы татарского геоконцепта.

Важно подчеркнуть, что данные имена сосуществуют параллельно. Поэтому в практической деятельности музей-заповедник может актуализировать разные топонимы в зависимости от це-

левой туристической аудитории. К примеру, для светских туристов интересны будут оба топонима, а для паломников-мусульман – прежде всего исламский геоконцепт (озеро Рабиги).

• Ситуация “мирного существования” разных культурно-языковых картин мира на пограничной территории: *одна территория – несколько топонимов*. По отношению к одной и той же пограничной территории (или акватории) обычно у культур-соседей существуют разные географические имена, поскольку каждая национальная культура сформировала свою культурно-языковую картину мира.

В нынешней русской картине мира море к западу от Петербурга называется *Балтийским* (так оно и обозначено на российских картах), хотя новгородцы называли его *Варяжским морем*. Также – *Балтийское море* – ныне оно называется в польском и балтийских, литовском и латышском, языках.

Однако во многих германских языках (немецком, датском, шведском) Балтийское море – это *Восточное море*. Так, его название в немецком языке *Ostsee* отражает местоположение моря к востоку относительно основного массива германских земель. Любопытный культурно-географический парадокс, связанный, вероятно, с воздействием шведской культуры, отмечается для финского языка, в котором море называется *Itä Sea*, что означает *Восточное море*, хотя относительно Финляндии оно расположено к западу и к югу.

В отличие от финского языка в эстонском языке физико-географические реалии отражаются точно: для эстонцев Балтийское море – это *Западное море*.

• Конфликтная ситуация между разными культурно-языковыми картинами мира: *одна территория – несколько топонимов*. В последние годы процессы “мирного существования” разных геоконцептов нередко сменяются конфликтами и даже информационными войнами, в которых геополитические противники, используя и навязывая “свой” геоконцепты, пытаются на их основе создать геокультурно-информационный плацдарм на пограничных территориях. Постсоветское пространство представляет собой поле подобных геополитических и геокультурных конфликтов.

Рассмотрим такой тип ситуации на примере региона, который в русской культурной и географической традиции до революции назывался *Туркестаном*, а в советское время *Казахстаном* и *Средней Азией*. В постсоветское время под пред-

логом переосмысления советского наследия в отношении к региону предпринята попытка внедрить западный геоконцепт *Central Asia* (русская калька – *Центральная Азия*), который широко использовался и используется в западной географической и советологической литературе [1]. Часть российских и среднеазиатских исследователей подхватили эту “инновацию”.

В качестве примера использования данного геоконцепта в русскоязычной научной литературе рассмотрим обстоятельное издание с характерным названием “*Центральная Азия (!?) в составе Российской империи*”, увидевшее свет в 2008 г. По мнению авторов Центральная Азия включает в себя пять постсоветских азиатских республик: Казахстан, Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан и Киргизию [6]. При ознакомлении с этим интересным в содержательном отношении монографическим сборником любого непредвзятого читателя, не покидает чувство интеллектуального насилия над ним. Весь материал, на который опираются авторы, пестрит названиями Средняя Азия или Туркестан, или среднеазиатский, туркестанский, но все авторские заголовки и подзаголовки используют только концепт Центральная Азия, который воспринимается как дурной перевод с английского.

Авторы и сами не вполне удовлетворены выбранным геоконцептом. Но в его пользу выдвигаются такие “бесспорные” аргументы, что советская геоконцептная конструкция *Казахстан и Средняя Азия* довольно громоздка и что концепт *Центральная Азия* ныне широко употребляется в СМИ.

Вызывает вопросы и сам заголовок монографии. Ведь у России никогда не было “центрально-азиатских владений”, а были туркестанские и среднеазиатские. Сам язык противится такой интерпретации региональной истории.

Напомним, что в отечественной исторической и физической географии под *Центральной Азией* понимается совсем другой регион, регион, который примерно соответствует *Китайскому Туркестану*, т.е. Синцзян-Уйгурскому автономному району нынешнего Китая и Монголии.

Регион *Центральная Азия* связан с деятельностью выдающихся русских путешественников и географов, имена которых составляют ныне цвет отечественной географии; к ним относятся: Н.М. Пржевальский, П.П. Семёнов-Тян-Шанский (обратим внимание на вторую – регионально-знаковую – половину его фамилии), П.К. Козлов и многие др. Отметим также, что Золотая медаль имени П.П. Семёнова и Золотая медаль имени

Н.М. Пржевальского справедливо относятся к важнейшим наградам нынешнего Русского географического общества.

Как быть в такой ситуации? Какой геоконцепт следует использовать российским географам? Думается, необходимо специальное обсуждение этого вопроса.

Географические имена и проблема междисциплинарной коммуникации. Не только разные национальные культуры, но и разные научные дисциплины, работающие с пространством, территорией, формируют свою – профессиональную – картину мира. К примеру, в истории есть своя система географических названий, используемая для обозначения размещения исторических объектов в пространстве. Причем они нередко не топонимичны, например, Северо-Восточная Русь, а не Владимирская Русь, как можно было бы ожидать.

В самой географии картины мира, сформированные физической, экономической, политической и культурной географией, нередко не совпадают.

• Ситуация *один топоним – несколько территорий*. Различие профессиональных картин мира приводит к тому, что один и тот же топоним в разных науках может быть “приложен” к разным территориям. Дидактический случай – топоним *Урал*, на основе которого сформировалось четыре территории *Урал* (четыре Урала!): физико-географический (Уральский физико-географический регион), экономико-географический (Уральский экономико-географический район), культурно-географический (Уральский культурно-географический регион) и политико-географический – Уральский федеральный округ (рисунок). Как видно из рисунка, каждый из четырех географических регионов, имеющих одинаковое название, имеют разную территориальную локализацию, несут на себе разные пространственные смыслы и обладают своими трендами развития [4].

• Ситуация *одна территория – несколько географических названий*. В такой ситуации к одной и той же территории внутри страны или региона “прикладываются” разные географические названия. Выше уже говорилось о формировании разных картин мира в разных сферах знания. Поэтому один и тот же регион не только по-разному называется в разных географических дисциплинах (и с ними связаны разные пространственные смыслы), но имеет разные границы. Например, применительно к северной половине европейской России сосуществуют: в культурной географии географическое название *Русский Север*, а в фи-

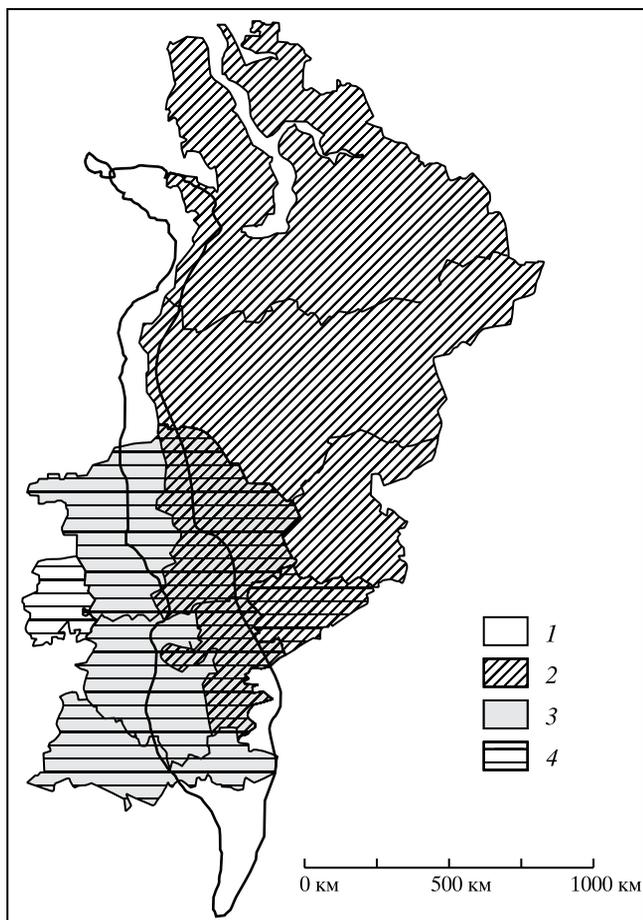

Рисунок. Четыре геоконцепта Урал.

1 – Уральский физико-географический регион, 2 – Уральский экономико-географический район, 3 – Уральский культурно-географический регион [7], 4 – Уральский федеральный округ.

зической географии – *Север Европейской территории России* [3].

Прояснение подобных проблемных ситуаций в географии позволяет создать надежную основу для взаимопонимания, координации и междисциплинарного, в том числе и внутригеографического диалога.

Заключение. Итак, основными понятиями географической ономастики являются: топоним, географическое название, геоконцепт. При этом за каждым из них стоят разные объекты.

Топоним – это *имя места*, в котором в исследовательском плане первично “имя”, а “место”, территория вторичны. В современных топонимических исследованиях на переднем плане стоят вопросы этнолингвистического и культурологического анализа топонима.

Географическое название представляет собой *территорию-топоним*; и потому оно имеет чет-

кие зафиксированные на карте географические границы.

В отличие от географического названия геоконцепт – это *место-топоним*, границы которого, как и границы любого места, не “жесткие”, но ясно выражено содержательное ядро. Под геоконцептом понимается знаковое место, имя которого является неотъемлемой частью картины мира определенного человеческого сообщества.

Концептуализация географического пространства происходит через наделение отдельных мест и территорий более высоким культурным статусом. Геоконцепты как продукты концептуализации географического пространства формируются как исторически, так и под воздействием науки, искусства, политики, СМИ. Совокупность геоконцептов как знаковых для данной культуры мест образуют культурно-языковую картину мира определенного человеческого сообщества.

Проблему взаимодействия географических имен, принадлежащих разным картинам мира, можно рассматривать как проблему межкультурной коммуникации. При этом выделяется четыре типа таких проблемных ситуаций – от ситуации “мирного сосуществования” двух географических имен на одной территории до конфликтов геоконцептов, принадлежащих разным картинам мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева Н.Н., Иванова И.С. Средняя или Центральная Азия? // География. 2003. № 27–28. С. 13–17.
2. Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. 532 с.
3. Калуцков В.Н. Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф, 2008. 320 с.
4. Калуцков В.Н. Геоконцепты в географии // Культурная и гуманитарная география. 2012. Т. 1. № 1. С. 27–36.
5. Мурзаев Э.М. Слово на карте. М.: Армада-пресс, 2001. 448 с.
6. Центральная Азия в составе Российской империи. М.: НЛЮ, 2008. 464 с.
7. Claval P. Geographie culturelle. Une nouvelle approche des sociétés et des milieux. Paris: Armand Colin, 2003. 288 p.
8. Jackson J.B. The Vernacular Landscape / Landscape Meanings and Values. London: Allen and Unwin, 1986. P. 65–79.
9. Space and Place: The Perspective of Experience 1977. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1977. 235 p.

“Name” in Geography: from Toponym to Geoconcept**V.N. Kalutskov***Moscow State University, Faculty of Geography, Moscow, Russia**e-mail: v.kalutskov@yandex.ru*

The article considers the triad of the major concepts in geographical onomastics in a consistent manner: “name – geographical name – geoconcept”. If a toponim and a geographical name can be considered as traditional geographical categories, the geoconcept represents a new theoretical concept initiated and developed by the author. It reflects a qualitatively new situation in the geography associated with the cultural turn and the information revolution. The conceptualization of geographical space takes place through the empowering individual places and areas with higher cultural status, for example, in connection with significant historical events or as a result of connection of places with outstanding cultural figure. The problem of interaction of geographical names belonging to different pictures of the world, is considered as a problem of intercultural and interdisciplinary communication. The article analyzes different types of problem situations – from “peaceful coexistence” between the two geographical names in the same area to the conflicts of geoconcepts belonging to different cultural traditions. In this regard the most striking examples are associated with the post-Soviet space.

Keywords: cultural geography, toponym, geographical name, geoconcept, Middle Azia, Central Azia.

doi: 10.15356/0373-2444-2016-2-100-107